

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-121-126>

Язык права в российской культуре

Скурко Елена Вячеславовна

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия, skourko@mail.ru

Аннотация. Для современного общества язык права — ключ, вводящий в правовую систему ее субъектов, средство формирования ее объектов, а также предмета правового регулирования, отражение многообразия отношений между ними. В статье рассматривается роль языка в правообразовании и некоторые особенности «языка права» в российской культуре; затрагиваются отдельные вопросы гносеологии права и проблематики формирования системы понятий в российском правоведении и правовой культуре.

Ключевые слова: язык права, гносеология права, правовая культура, правоведение, правопонимание, воля, свобода

Для цитирования: Скурко Е. В. Язык права в российской культуре // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 121—126. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-121-126>.

Original article

The language of law in Russian culture

Elena V. Skurko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russian Federation, skourko@mail.ru

Abstract. For contemporary society, the language of law is the key that introduces its subjects into the legal system, a means of modeling its objects, as well as the subject of legal regulation, a reflection of the diversity of relations between them. The article examines the role of language in legal genesis and some features of the “language of law” in Russian culture; touches on certain issues of the epistemology of law and the problems of the formation of a system of concepts in Russian jurisprudence and legal culture.

Keywords: legal language, epistemology of law, legal culture, jurisprudence, legal perception, will, freedom

For citation: Skurko E. V. The language of law in Russian culture. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 121—126. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-121-126>.

В современном обществе и государстве язык права — это доступ к праву для его субъектов, средство формирования его объектов, а также многообразия отношений между ними.

Действительно, рассуждая о сущности права, многие юристы в конечном счете согласятся, что различие «права» и «не права» пролегалает не в «явлении» того или иного события или действия как таковых, не в том, «что» произошло или сделано, а в том, какие за этим могут быть поставлены юридические последствия [1].

Так и «в отдельном взятом языковом сообществе определенные реакции, как правило, сопровождаются определенными последствиями. За «Подожди!» последует чье-то ожидание, за «Тсс!» — молчание» [2, с. 35], и, как отмечают лингвисты, изучение «языков» лингвистами — это подтверждение практики языковых сообществ: «Когда мы говорим, что *also* значит *in addition* или *besides* «по-английски», мы не даем отсылки к языковому поведению кого-либо англоговорящего или усредненного образа действий множества [англо]говорящих, — но к

© Скурко Е. В., 2022

условиям, при которых некоторая ответная реакция характерным образом будет воспроизводиться соответствующим языковым сообществом» [2, с. 461].

С этой точки зрения, язык права формируется и по необходимости, осваивается человеком сходным образом с тем, как это происходит с языком естественным: «Справедливо, конечно, что человек в некотором смысле предназначен к тому, чтобы говорить, но это всецело связано с тем, что рождается он не только в природе, но и в лоне общества, которое не может не приобщить его к своим традициям. Уберегите общество, и все основания будут за то, что он научится ходить, если только выживет, но равным образом несомненно и то, что он никогда не научится говорить, то есть сообщать свои мысли согласно традиционной системе определенного общества» [3, с. 28].

И если принять, что «язык есть чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов» [3, с. 31], язык права — способ оценки обществом событий и действий человека «посредством системы специально производимых символов» на базе естественного языка. А на более поздних этапах язык права — способ управления в обществе, отражение его (права) регулирующего воздействия.

Основная функция языка, как это по большей части признается, — коммуникативная. Кроме того, современные ученые склоняются к мнению, что «мы, похоже, наделены особенной для нашего вида способностью декодировать коммуникационные намерения других — то, что говорящий намерен сообщить» [4]. В этом моменте, касательно сферы права, необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование, правозащита, иные правовые явления обязаны своим происхождением, скорее, противоположному стремлению человеческой природы избежать коммуникации в определенных вопросах и обстоятельствах, что и должно быть компенсировано «правовым воздействием» в соответствующем случае в отношении соответствующих лиц, в своем роде преодолением «негативной идентичности» [5, с. 28] личности со стороны общества.

В этом плане правы те исследователи, которые, исходя из того, что «культура является средой, в которой сплетаются те сети, которые придают жизни ее направленность и смысл» [6], утверждают, что «эта сеть значений включает в себя регистры как воображаемого, так и

символического порядка, практики формирования идентичности, а также практики, определяющей поведение. Право вносит свой вклад во все это, особенно когда речь идет о нормативных практиках, определяющих поведение. Право само по себе является частью нормативного порядка общества, частью его культуры и форм жизни» [6]. Иными словами, право представляет собой искусственный и конструктивный элемент культуры — «это стиль мышления, который устанавливает особые отношения между людьми и их поведением по отношению к миру, который является не просто механизмом социального контроля и управления конфликтами, но способствует упорядочению реальности» [7].

В этом плане задача науки права, как считает ряд специалистов, ее «объект» — не есть в точности явления действительности: «объект состоит из схематических конструкций или абстрактных моделей реального мира, а собственно наука — есть исследование таких моделей в целях объяснения и прогнозирования смоделированного явления» [8, с. 2], — аналогично с тем, как описывается роль факта в лабораторном эксперименте, например, в физике и других естественных науках. Речь идет о том, что, например, согласно (абстракции) физического закона, тела с разной массой падают на землю с высоты с одинаковой скоростью. Такой «факт» считается в философии науки «идеальным» в том смысле, что будет «истинным» в лабораторных условиях. В естественных условиях объекты могут падать с различной скоростью в силу, например, влияния такого фактора, как ветер, который в лабораторных условиях не представлен [9], и т. п. Так и в приложении к сфере права: «то, что делают юристы — это конструируют модель социального мира, и это — в точности та самая модель, которая действует в качестве моста между социальным и правовым мирами. Эта модель одновременно явлена и как *res* (объект познания), и как *intellectus* (познающий субъект)» [8, с. 2].

В представленном подходе объект (*res*), познаваемый субъектом (*intellectus*), — это не событие действительности как таковое: «непосредственным объектом юридического анализа не является автомобильная авария такого-то и такого-то транспортного средства, не является состоявшаяся сделка, по которой был доставлен груз из испорченных апельсинов ... [Юридические] факты — это абстрагированные версии соответствующих событий, в которых транспортное средство заменяемо на автофургон, а апельсины — на бананы» [8]. Так, «ситуации в

юридических фактах конструируются из правовых институтов, чтобы быть способными соответствовать правовым нормам. Эти правовые институты — такие концепции, как-то *res* (вещь) и *persona* (лицо), обладают возможностью функционировать в одно и то же время, как в «реальном», так и в юридическом мирах. Эти институты, в свою очередь, подкрепляются рядом других, на первый взгляд дескриптивных, концепций, как-то: вина, вред и интерес, — которые, опять-таки, функционируют в одно и то же время в реальности — и в правовой сфере» [8]. Таким образом, «[юридическая] конструкция сама может определять, какая норма должна быть [к ней] применима» [8].

Говоря другими словами (и несколько в ином ракурсе) главный вопрос касательно сферы права — это «границы права как регулятора — и техники по преодолению этих границ» [10, с. 502]. И первое («границы»), и второе («техники») в современном праве во всяком случае полностью выходят в языковой план причем до такой степени, что не могут вне его в принципе существовать и не имеют смысла.

При этом, очевидно, юристы — не исключительная группа, которая может иметь представление о праве, понимать его, то есть в итоге непосредственно «иметь доступ» к праву. Как в свое время писал в этой связи О. У. Холмс: «Если мы встанем на точку зрения некоторого нашего друга — нехорошего человека, мы обнаружим, что его ни в малейшей степени не заботят аксиомы или дедукция, — а то, что он желает знать, — это: что, по вероятности, стал бы предпринимать массачусетский или английский суд» [11, с. 670]. Иными словами, «правовед с немецким образованием, наверное, видит право как научную систему принципов и аксиом, из которой юридические решения могут быть выведены с использованием дедуктивной логики. Юридическое знание для такого правоведа есть в таком случае предмет [набор] кратких высказываний, систематически организованных в мир абстрактных концепций. Преступник, напротив, едва ли носит такого рода системную структуру знаний в своей голове, для него право — предмет функционирования полицейских, судов, судебных исполнителей, сотрудников тюрьмы и в таком роде. Точно также знание структур права полицейского или сотрудника тюрьмы будет, очевидно, отличаться от знаний судьи. Полицейский может видеть право в понятиях хорошего и плохого поведения, в то время как судья в уголовном суде будет мыслить категориями процедуры, инструкций для присяжных

и норм уголовного права» [8, с. 16]. Основной смысл приведенных наблюдений в том, что единого представления о том, что означает «иметь юридические познания», в обществе нет: многое зависит от «точки зрения» данного человека на сферу права, его отношения к нему, а главное — потенциала его практического использования (применения / неприменения права).

С другой стороны, как справедливо указывает, например, Л. Лессиг: «существует набор инструментов, которыми располагает общество для установления ограничений на поведение. Право в его традиционном смысле, — как указание, подкрепленное угрозой, направленное на изначальное поведение, — является лишь одним из таких инструментов. Общий его смысл, в этой связи, заключается в том, что право может оказывать влияние на иные, имеющиеся у общества, инструменты, — так что они сами по себе становятся ограничивающими поведение и могут функционировать подобно инструментам права. Выбор между инструментами, очевидно, зависит от их эффективности» [10, с. 502].

Иными словами, мы в данном случае из представленных подходов пытаемся показать (и обосновать), что социальный смысл выделения сферы права в структурах повседневности состоит в том, что право работает с контекстами «с высокими ставками» (или «высокими рисками») в отличие от общего контекста повседневности, обыденного контекста «с низкими ставками» (или «низкими рисками») [12, с. 174]. «Субъекты» права в каждый соответствующий момент времени, в тех или иных обстоятельствах или в связи с теми или иными событиями и действиями, принимают решение о необходимости обращаться к правовым средствам для решения своих проблем и задач либо, напротив, избежать обращения к правовым средствам (а также, например, препятствовать обращению применения таких средств со стороны третьих лиц — к данному — и т. п.). Все эти процессы реализуются строго в языковых формах по преимуществу в «языковом поведении».

Если с этой позиции посмотреть на развитие права вообще, можно увидеть, что оно идет, во-первых, через расширение (дифференциацию) круга его «субъектов»; во-вторых, через расширение (дифференциацию) его «объектов» и / или «предметов» правового регулирования, а с точки зрения языка — через развитие соответствующей терминологии и классификаций различного рода. Соответствующим образом увеличивается количество «точек входа» в сферу права, или «точек вменения», а также, с другой

стороны, расширяются возможности «блокировать» обращение к праву для тех или иных ситуаций и лиц, ссылаясь, например, на «различия», устанавливающиеся вследствие роста дифференциации, — в особенности в плане терминов и понятий, и т. п.

Если признать, что сущность языка вообще заключается в соотношении условных звуков или начертаний к различным элементам опыта [3, с. 30], сущность правообразования может быть сведена к символическому построению опыта в формах, сопоставимых с определенными символизированными оценками для данного социума.

Подобно тому, как элементы языка (т. е. символы, фиксирующие явления опыта) должны ассоциироваться с группами явлений, а не с единичными явлениями опыта, поскольку в противном случае общение было бы невозможно, ибо «единичный опыт пребывает в индивидуальном сознании и, строго говоря, не может быть сообщен» [3], и для его сообщения требуется отнесение его к определенному классу явлений, которые данный коллектив воспринимает как тождественные, — так, правообразование формирует «нормы», которые данное общество признает за основание для последующих оценок (и действий) — будь то в отношении событий, обстоятельств и др.

Иными словами, подобно тому, как речевой элемент «есть символ прежде всего не единичного восприятия и даже не представления отдельного предмета, но «значения», иначе говоря, условной оболочки мысли, охватывающей тысячи различных явлений опыта и способной охватить еще новые тысячи» [3], правовые нормы охватывают «значения», существенные отклонения от которых для данного общества считаются неприемлемыми, воспринимаются недопустимыми.

Действительно, «право» этимологически связано с прилагательным «правый» и восходит к прилагательным «прямой», «правильный», «невиновный», «настоящий» [13], а также закономерно в русском языке и культуре связано с концептом «правда» [14].

Еще одно важное абстрактное существование в русском языке для формирования значений сферы права — это «воля», через которое право само нередко получает свое определение, и особенностью которого в русском языке и культуре является тесная корреляция с представлениями о «свободе».

Действительно, «в качестве ключевых слов русской культуры «свобода» и «воля» особым

образом коррелируют в русском языке, на что неоднократно указывали многие философы и филологи. Если в европейских языках соответствующие этим словам понятия практически не пересекаются, то в русском языке на протяжении всей его истории эти понятия находились в постоянном взаимодействии, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга» [15, с. 161; 16, с. 73].

Сегодня среди отечественных лингвистов в целом принято считать, что «лексема «свобода» связана с церковнославянскими словами «свобство», «собство» 'persona', где svob от svoj — свой, то есть обозначает «положение свободного, своего члена рода» [15, с. 161; 13], в то время как слово «воля» связано чередованием гласных со словами «велеть, довлеть» и интегрирует в своем значении такие семантические признаки, как «желание», «выбор», «власть» [15].

«В древнерусском языке «воля, волити» — обозначение разумного выбора между несколькими возможностями. Что касается лексического значения слова «свобода», то здесь на первый план выходит сема 'persona', «сам» («свой»), но в то же время указывается на «положение ... своего члена рода», то есть на наличие какой-либо общности или общества, среди которой (в котором) может реализоваться «независимость» или «состояние свободного человека» [15, с. 162]. Так, по мнению лингвистов, в основном значении современного слова «свобода» в русском языке «представлена исконная характеристика: свобода — это наличие внешних условий для реализации воли человека» [15].

С другой стороны, в русском языке может быть прослежена «связь концепта «свобода» с концептом «свой-чужой». Примером этого противопоставления является расхождение слов «свобода» и «слобода». Первоначально производительный народный вариант «слобода», обозначавший состояние человека, а также место (община, позднее — мир), где живут свои, обособляется, становится названием места, в котором живет свободный человек (мир)» [15]. При этом «воля» — в отличие от «свободы» — начинает ассоциироваться с «чужим миром», миром «за пределами слободы» [17, с. 75].

Кроме того, в древнерусских текстах зачатую «свободити» употребляется со словами «работа» и «рабство», а «свободь» противопоставляется словам «раб» и «работа», так что всякое освобождение воспринимается как свобода от рабства. В историческом контексте это, в частности, означало, что, если кого-то

освободили, следовательно, «сделали своим, вернули к своим, сделали достоянием своих», и то есть любой «свой» свободен, даже если он находится в зависимости у кого-то из своих, так как «зависимость от своих, своего не ощущается» [17, с. 74].

В результате с известными оговорками можно принять, что «воля характеризует природного (естественного) человека, живущего в среде природы, свобода — социального человека, живущего в социальной среде» [16, с. 83]. Есть, однако, еще один крайне существенный аспект в представлениях о «свободе» и «воле» в русском языке и культуре, а именно: «Слово “воля” не сразу приобрело значение «свобода». Волей обладал Бог, а не человек [14, с. 62]. Воля стала соотноситься с личным желанием человека, его правом выбора. В дальнейшем происходит метонимический перенос, и «воля» обозначает уже собственно «свободу» [15, с. 162; 17, с. 77].

Таким образом, для исследования правообразования в контексте русского языка и культуры крайне существенным оказывается, что собственно история представлений о свободе и воле, в том числе непосредственно их этимология, отражают генезис представлений о праве, отечественную философию права вообще, роль права в обществе, а также характер, в том числе массовость правового нигилизма, «отчуждения» и т. п.

Список источников

1. Williams G. Learning the Law. 11th ed. London, 1982. Pp. 2—3.
2. Skinner B.F. Verbal behavior. New York, 1957.
3. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир: пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М., 1993.
4. Ibbotson P., Tomasello M. Evidence rebuts Chomsky's theory of language learning / Scientific American. 2016. November. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/evidence-rebuts-chomsky-s-theory-of-language-learning/> (дата обращения: 21.09.2021).
5. Краснов А. С. Диада «идентичность-отчуждение» в синтагме К. Маркса: история и современность // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 3.
6. Vesting T. Legal Theory and the Media of Law / trans. J. C. Wagner. Cheltenham, Northampton, 2018. P.x.
7. Geertz C. Off Echoes: Some Comments on Anthropology and Law // Political and Legal Anthropology Review. 1996. Vol. 19. No. 2. P. 33—37.
8. Samuel G. Epistemology and Method in Law. Aldershot. 2003.

9. Granger G.-G. La science et les sciences. 2 ed. Paris. 1995. Pp. 14—17.

10. Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. 1999. Vol. 113. Pp. 501—546.

11. Lloyd D., Freeman M. Lloyd's Introduction to Jurisprudence. 6th ed. London. 1994.

12. Harman G. Epistemic Contextualism as a Theory of Primary Speaker Meaning // Philosophy and Phenomenological Research. 2007. Vol. LXXV. No. 1.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб. 1996.

14. Пименова М. В. Концепты правда и истина и способы их объективации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 61—68.

15. Егорова О. С., Кириллова О. А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. 1.

16. Арутюнова Н. Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. М., 2003.

17. Лисицын А. Г. Анализ концепта «свобода — воля — вольность» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

References

1. Williams G. Learning the Law. 11th ed. London, 1982. Pp. 2—3.
2. Skinner B.F. Verbal behavior. New York, 1957.
3. Sapir E. Language. Introduction to the study of speech. *Selected works on linguistics and cultural studies*: transl. from English; total ed. and intro. art. by A. E. Kibrika. Moscow, 1993. (In Russ.)
4. Ibbotson P., Tomasello M. Evidence rebuts Chomsky's theory of language learning. / Scientific American. 2016. November. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/evidence-rebuts-chomsky-s-theory-of-language-learning/> (accessed 21.09.2021).
5. Krasnov A. S. Dyad “identity-alienation” in the syntagm of K. Marx: history and modernity. *Bulletin of the Saratov University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, issue 3. (In Russ.)
6. Vesting T. Legal Theory and the Media of Law / trans. J. C. Wagner. Cheltenham, Northampton, 2018. P.x.
7. Geertz C. Off Echoes: Some Comments on Anthropology and Law. *Political and Legal Anthropology Review*, 1996, vol. 19, no. 2, pp. 33—37.
8. Samuel G. Epistemology and Method in Law. Aldershot. 2003.
9. Granger G.-G. La science et les sciences. 2 ed. Paris. 1995. Pp. 14—17.
10. Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach. *Harvard Law Review*, 1999, vol. 113, pp. 501—546.
11. Lloyd D., Freeman M. Lloyd's Introduction to Jurisprudence. 6th ed. London. 1994.

12. Harman G. Epistemic Contextualism as a Theory of Primary Speaker Meaning. *Philosophy and Phenomenological Research*, 2007, vol. LXXV, no. 1.

13. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)

14. Pimenova M. V. The concepts of truth and truth and ways of their objectification. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2011, no. 13, pp. 61—68. (In Russ.)

15. Egorova O. S., Kirillova O. A. “Freedom” and “will” as key concepts of Russian culture. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012, vol. 1, no. 4. (In Russ.)

16. Arutyunova N. D. Will and freedom. *Logical analysis of language*. Moscow, 2003. (In Russ.)

17. Lisitsyn A. G. Analysis of the concept “freedom — will — freedom” in Russian. Dissertation ... candidate of philology sciences. Moscow, 1995. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. В. Скурко — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Skurko — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 08.09.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 09.06.2022.